"Российская газета" — Федеральный выпуск №4753

Вчера по телефону "горячей линии" "Российской газеты" на вопросы читателей отвечал директор Российского центра судебно-медицинской экспертизы, главный судмедэксперт минздравсоцразвития Владимир Клевно.

{flv}TV_CH6_0914_185_NOVIK_t307{/flv}

Первые вопросы, естественно, касались последствий авиакатастрофы в Перми. Что там нашли судмедэксперты и что ищут? Часто ли им приходится участвовать в подобных чрезвычайных ситуациях?

Владимир Клевно: К сожалению, всегда. Это наша работа, мы обязаны обеспечивать судебно-медицинское сопровождение ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. В данном случае это осмотр тел погибших, обнаруженных на месте авиакатастрофы, исследование их фрагментов, забор объектов для идентификационных молекулярно-генетических исследований, забор сравнительных образцов крови у родственников погибших. Что и было сделано в Перми.

Буквально в первый же день основная часть работ была завершена. В понедельник до обеда еще производились следственные действия на месте падения самолета, судебно-медицинские эксперты в составе оперативно-следственных групп осуществляли осмотр места происшествия, осмотр фрагментов, обнаруженных на месте падения самолета, и в последующем эти фрагменты доставлялись в пермское бюро судебно-медицинской экспертизы. В понедельник-вторник были завершены исследования фрагментов - более девятисот, каждый фрагмент пронумерован.

Российская газета: По ним можно было сразу кого-то идентифицировать?
Клевно: Нет. Взрыв был настолько мощным (видимо, сдетонировало, так сказать, топливо, остававшееся в баках), что не только фюзеляж самолета разорвало на части, но и всех пассажиров и членов экипажа. Практически на месте падения самолета не нашли частей тела, по которым можно было каким-то образом опознать человека. Самые большие - это кисти рук или стопы.
И поэтому было принято решение эти все фрагменты пронумеровать. Они были доставлены в морг бюро судебно-медицинской экспертизы, там каждый фрагмент исследовался, из каждого были взяты объекты для последующего извлечения ДНК. Затем изъятые объекты - их больше девятисот - помещались в пенициллиновые флаконы, они также пронумерованы и соответствуют номерам фрагментов,

упакованных в целлофановые пакеты.
Затем в Пермь были приглашены родственники, у кровных родственников взяты образцы крови для сравнительных молекулярно-генетических идентификационных исследований. Что касается тел погибших иностранцев, то мы специально для МИДа подготовили памятку, согласно которой родственники погибших иностранных граждан могут сдать кровь в местах проживания - это Германия, Франция, Азербайджан и другие. По дипломатическим каналам МИД доставит образцы в Российский центр судебно-медицинской экспертизы, где будут проведены сравнительные молекулярно-генетические исследования по установлению личности погибших.

РГ: А как быть тем российским родственникам, которые не смогли приехать в Пермь?
Клевно: Москвичи могут обратиться в наш центр, жители других городов могут сдать в любом областном, краевом бюро судебно-медицинской экспертизы. Будет сделана копия паспорта, установлена степень родства, и следователь оформит изъятие процессуально. Образцы будут доставлены также к нам в Российский центр судебно-медицинской экспертизы для дальнейшего исследования. РГ: Работа судмедэкспертов на месте аварии как-то повлияет на выводы госкомиссии о причинах аварии? Клевно: Да, она может повлиять. Почему? Потому что, как только будут установлены фрагменты тел от членов экипажа, они подвергнутся еще более тщательному исследованию. В частности, на наличие в крови алкоголя и наркотиков.

РГ: Уже прозвучало мнение, что это будет сделать невозможно.
Клевно: Неправильно. Это будет элементарно сделать. Из каждого фрагмента, который мы исследовали, мы брали не только объекты для молекулярно-генетического исследования, но и объекты для судебно-химического анализа. И все эти объекты сейчас находятся на хранении в Пермском краевом бюро судебно-медицинской экспертизы. Как только будут установлены личности, будут проведены дополнительные исследования тел членов экипажа. Ну и более тщательно мы можем еще раз исследовать эти фрагменты уже с каким-то прицелом для того, чтобы определить, может быть, какие-то еще особенности.

РГ: А вы можете установить, было ли оказано на членов экипажа какое-то психическое воздействие? Говорят же, что они не адекватно реагировали на команды.
Клевно: Научных приемов нет, чтобы можно было определить, в каком психическом состоянии находился человек. Мы исходим из того, что все пилоты здоровые люди. Могут быть обнаружены при исследовании оставшихся фрагментов тел членов экипажа

какие-то повреждения, которые могли быть причинены при жизни, до падения самолета, либо какие-то вещества внутри организма, в частности наркотики, психотропные вещества. А говорить о каком-либо психо-эмоциональном поведении нельзя.